

Две дочери короля

(часть 2)

В это время к ступеням замка, где стояли девушки, подъехал король на огромном багряно-рыжем, как огонь, коне. Король подъехал в окружении вассалов, ловчих и слуг.

—Взгляни-ка, Ингегерд, — сказал он с довольной улыбкой, — какая мне привалила удача! Кто ещё может убить за одно утро пять тетеревов?

Но Ингегерд не понравилось его чванливое хвастовство. Кроме того, она ждала совсем других слов.

—Ты, отец, считаешь для себя большой честью убить пять тетеревов, — сказала Ингегерд своим глубоким проникновенным голосом. — А я знаю короля, взявшего в плен за один утренний час пять могучих враждебных викингов вместе с их дружинами. Это Олав Норвежский, которого ты избрал мне в супруги!

Король Шоскёниг так грузно соскочил с коня, что, казалось, содрогнулась земля. С искажённым от ярости лицом он подошёл к принцессе.

—Какой злой тролль укусил тебя? Какое приворотное зелье околдовало тебя, дочь моя?

Но принцесса Ингегерд была не из тех, кого можно испугать или заставить отступить. Она ничего не ответила королю и только улыбнулась печально и презрительно.

Тогда король опомнился и заговорил вкрадчиво и ласково.

—Дорогая моя, — сказал он, — разве ты не знаешь, что я люблю тебя больше жизни? Как я могу отдать тебя, моё сокровище, тому, кого ненавижу? Нет, говорю тебе, обрати свой взор на королей других стран, потому что никогда принцесса Ингегерд не будет принадлежать Олаву Норвежскому!

—А разве клятва короля не крепче алмаза? — Ингегерд глубоко заглянула в глаза королю. — Неужели, отец, ты допустишь, чтобы в народе тебя прозвали вероломным обманщиком?

Король оглушительно и грубо расхохотался.

—Чёрт подери! Посмотрел бы я на того, кто осмелится назвать меня обманщиком. Клятва эта легче пушинки, подхваченной ветром. Скажите, вы, преданные мне вассалы, друзья мои, прав ли я?

Но никто из вассалов не ответил ему и не подал совета. Гнев ещё сильнее овладел королём, и он закричал, теряя разум от ярости.

—Горе вашей мудрости! Я хочу освободиться от клятвы, слышите, вы? Нет, я вижу, змеи свернулись клубком в ваших сердцах и вы не хотите подать мне руку помощи!

И вдруг, когда никто не ожидал этого, вниз со ступеней резво сбежала белокурая Астрид и остановилась перед королём. Да скорее всего она и сама не ожидала от себя такой смелости.

—Я ведь тоже твоя дочь! — звонким и ясным голосом сказала она. — Так отчего же тебе не послать меня к норвежскому королю?

Едва Астрид произнесла эти слова, Ингегерд побледнела как полотно и брови её гневно сдвинулись.

—Замолчи и уйди отсюда, хитрое создание! Как ты посмела даже помыслить такое?

Но король не дал уйти Астрид. Нет, он обнял её и прижал к своей груди. Он ликовал и плакал в одно и то же время и был вне себя от злой радости.

—Так мы и сделаем! — с облегчением воскликнул он. — Мы назовём тебя Ингегерд. Ты поедешь к норвежскому королю, и он женится на тебе. А когда станет известно, что он сочетался браком с дочерью рыбачки, то-то посмеются над ним властители северных стран!

Тут принцесса Ингегерд быстро подошла к королю. Она была бледна, а глаза её сияли, будто две звезды упали на дно глубоких озёр.

—Отец, отец, нет, я не верю, ты не сделаешь этого, — с мольбой сказала она. — Я согласна отказаться от брака с Олавом Норвежским, только не подвергай его такому унижению и позору!

Но шведский король, казалось, даже не слышал её слов. Он был занят только одной Астрид. Он целовал её, перебирал пряди её длинных белокурых волос с такой нежностью, словно она была его единственной дочерью.

Тогда принцесса Ингегерд опустилась перед отцом на колени.

—Отец, заклинаю тебя всем, что для тебя свято, одумайся!

Остановись, пока не поздно, молю тебя!.. — Слезы душили её, и она не могла продолжать.

Все вассалы отвернулись, ни один из них не в силах был видеть, как гордая принцесса стоит перед королём Шоскёнигом на коленях.

Но король даже не посмотрел на Ингегерд.

—То, что я задумал, всего лишь весёлая шутка, дочь моя! — с торжеством рассмеялся он. — Неужто ты полагаешь, что я откажусь от подобной забавы?

Король Шоскёниг положил руки на округлые плечи Астрид.

—Да, ты поедешь, и поедешь как можно скорее, — сказал он, не сводя с Астрид сверкающих глаз. — А ведь ты чертовски красива, Астрид, дочь моя! Принцесса Ингегерд похожа на чудесную лилию, выросшую в глубокой тени. А ты, моя радость, словно ягода земляники, заалевшая на самом припёке. Король Олав не устоит перед твоей юной прелестью. Он отпразднует пышную свадьбу и лишь потом увидит, что ты не знаешь обычаев королей, не умеешь приветствовать знатного гостя, смеёшься невпопад и привыкла с топотом бегать вверх и вниз по лестнице, как простая служанка. Славно он будет одурачен и славно все над ним посмеются!

Ингегерд поняла, что король всё равно сделает по-своему, и не в её силах изменить его решение.

Тогда она подошла к Астрид, ласково обняла её за плечи и повела в свою опочивальню. Она усадила её в кресло, украшенное золотом и рыбьим зубом, а сама села на низенькую скамью у её ног.

—Я не хочу, чтобы король Олав стыдился своей юной королевы! — сказала Ингегерд, и голос её был певуч и спокоен, как всегда. Глядя на неё, никто не мог бы догадаться, что сердце её разрывается от нестерпимой муки.

Ингегерд научила Астрид ходить неторопливо и плавно, говорить мягко и вместе с тем повелительно, не смеяться громко и беспечно вольной шутке подвыпившего гостя. Никогда не опускать глаз первой, встретившись с кем-то взглядом. И, главное, научила её той благородной простоте в каждом движении и слове, которые отличают принцессу от всех прочих женщин.

Она подарила Астрид бесценные старинные украшения, отдала ей свои лучшие наряды, оставив себе только тёмные, смиренные одежды.

Принцесса до вечера просидела с сестрой и рассказывала ей о короле Олаве, о его милосердии, благородстве и о праведной жизни.

Порой слова Ингегерд казались Астрид слишком туманными и мудрёными, и её даже клонило в сон. Но одно всё же она поняла: принцесса хочет ей передать всё прекрасное и светлое, что живёт в её душе.

В конце концов Астрид, которая на самом деле вовсе не была корыстной и злой, а всего лишь беспечной и непостоянной, не выдержала и воскликнула:

—Нет, моя дорогая, как я могу причинить тебе такую боль? Я не поеду к королю Олаву!

Тогда обе они заплакали и в первый раз по-настоящему почувствовали, что они сестры.

Но на следующее утро Астрид уже думала по-другому. Она не умела быть твёрдой в своих решениях и долго предаваться раскаянию. Ингегерд заглянула ей в глаза и увидела, что Астрид уже не та, что была накануне. Она отвечала уклончиво, косила глазами в сторону и накручивала на пальцы свои белокурые локоны.

Тогда Ингегерд глубоко вздохнула и сказала:

—Милая сестра, дарю тебе мой корабль, на котором я мечтала отплыть к королю Олаву. Он украшен резьбой и позолотой, а гребцы на нём ловкие и закалённые. Пусть норвежский король увидит свою невесту во всём блеске красоты и великолепии.

Ингегерд поцеловала Астрид и улыбнулась ей. Слезы стояли в её глазах, а улыбка была полна печали и смирения...

И вот высокий стройный корабль, распустив пунцово-алые паруса, вышел в открытое море. Солнце осыпало паруса рубинами, а попутный ветер наполнил их своим влажным дыханием.

А задолго до этого, ещё в разгаре лета, в богатом городе Кунгахелле король Олав, сын Гаральда, готовился достойно встретить свою знатную невесту — принцессу Ингегерд.

К замку вереницами тянулись возы. Крестьяне везли на своих маленьких лошадках масло в кадках, мёд и окорока. Прибыли купцы из дальней Венды, и даже из Новгорода. Они раскладывали перед королём драгоценности, узорные ткани и разные диковинки. И король охотно покупал всё, что, как ему казалось, могло порадовать или позабавить благородную дочь шведского короля.

А когда на лугах скосили траву и в закрома собрали рожь и пшеницу, в замок начали прибывать знатные гости.

На белых конях без единой тёмной подпалины ехали мужчины в праздничных одеждах и прекрасные женщины, каждая с целой свитой вассалов, юных проказливых пажей и служанок.

Вслед за ними в Кунгахеллу заявили всевозможные фокусники, певцы и сказители старинных преданий.

Замок наполнился шумом, смехом, звоном бокалов и лукавой болтовнёй служанок.

Все с нетерпением ждали корабль, на котором должна была прибыть шведская принцесса.

Вот уже пожелтел хмель. Созрела ежевика, а та, что не успели собрать, почернела между камней. Но принцесса Ингегерд всё ещё задерживалась, и не было от неё гонцов, сообщающих о её приезде.

Плоды шиповника стали густо-коричневыми на голых колючих ветках. Где же прекрасная Ингегерд?

Скальд Хьялтэ всё лето жил в Кунгахелле. Пожалуй, он ждал приезда Ингегерд с неменьшим нетерпением, чем сам король Олав.

Долгими осенними вечерами, когда северный ветер, подхватив пёстрые листья, кружил их вокруг дворцовой башни, старый Хьялтэ вместе с королём Олавом частенько сидели у пылающего камина в тронном зале. Хьялтэ по привычке держал в руке веточку ели и растирал пальцами пахучую хвою.

С некоторых пор его стали томить тягостные предчувствия и неясное беспокойство. И вот однажды король Олав, бросив на него пронизательный взгляд, сказал:

—Полно, мой друг Хьялтэ, оставь свои невесёлые мысли. Если Господь желает, чтоб эта прекрасная девушка принадлежала мне, то она придет!

Но вот уже поздняя осень вступила в свои права. Багровое солнце рано спускалось в непрозрачную мгlistую дымку, а слуги сваливали в каминные целые груды благовонных поленьев, чтоб согреть огромный парадный зал.

И тогда знатные рыцари один за другим начали покидать королевский замок в Кунгахелле. Они уезжали неохотно, с недоумением перешёптываясь, но не решаясь ни о чём спросить благородного хозяина замка.

Прекрасные дамы зябко кутались в меха и плащи. Они улыбались и, смущённо опустив глаза, желали счастья королю Олаву. Вместе с ними покинули замок шумные толпы слуг, вертлявые шуты и фокусники, странствующие певцы. Смолкли смех, песни, задорные острые шутки.

Тишина, как туманный колокол, опустилась на королевский замок.

Последним покинул Кунгахеллу старый скальд Хьялтэ.

К Рождеству он должен был вернуться к себе на родину, в холодную, окованную льдами Исландию. Со стеснённым сердцем приказал он

поставить парус на лодке и отправился в далёкий путь по реке Нордре. Угрюмый, молчаливый, уронив лицо в ладони, сидел он на носу своей ладьи.

По берегам из глубоких ущелий поднимались сырые испарения, вековые ели махали ему вслед колючими лапами, а в глубине чернолесья прятались непроглядные тени.

Вдруг старый Хьялтэ вздрогнул. Вдалеке показался лёгкий стройный корабль с пунцово-алыми парусами. Хьялтэ с первого взгляда узнал этот корабль, украшенный резьбой и позолотой. Да, это был корабль принцессы Ингегерд.

На старом лице Хьялтэ не осталось ни одной неразглаженной морщинки, когда он поднялся на высокий борт корабля. Глаза его лучились от радости. Он приветствовал крепких парней, сидевших на вёслах, словно они были его добрыми друзьями. Он подарил золотой перстень девушке, когда она подвела его к парчовому шатру, разбитому на палубе. Он не обратил внимания, что девушка взяла его дар как-то нерешительно, даже боязливо.

Рука Хьялтэ дрожала, когда он приподнял тяжёлый занавес, закрывавший вход в шатёр. Эта минута казалась ему самой прекрасной в его жизни.

Но едва Хьялтэ вошёл в шатёр, как тут же в изумлении и замешательстве отступил назад.

Он увидел стройную девушку с чудесными белокурыми косами, перекинутыми на грудь. Она пошла ему навстречу с улыбкой и протянутой рукой. Но это была не Ингегерд.

—Приветствую тебя, Хьялтэ! — ласково сказала она.

Голос её звучал мягко и вместе с тем повелительно. Она смотрела ему в глаза прямо, не отводя взора. Походка у неё была плавная и величавая. Но это была не Ингегерд.

—Кто ты? — спросил Хьялтэ дрогнувшим голосом.

—Разве ты не узнаёшь меня, Хьялтэ? Я королевская дочь. Это со мной ты так часто говорил об Олаве Норвежском в Девичьей башне!

—Я только с одной королевской дочерью говорил об Олаве, сыне Гаральда. И она звалась Ингегерд, — сказал Хьялтэ, пристально глядя в синие глаза девушки.

—Я тоже королевская дочь. Это истинная правда, тут нет обмана. Лицо Хьялтэ стало серым, как остывший пепел.

—Я узнаю тебя! Ты — Астрид, — воскликнул он. — Твой отец — шведский король, а мать — нищая рыбачка. Значит, всё-таки король Шоскёниг надумал обмануть короля Олава! Смилуйся надо мной, старым человеком. Дай мне узнать всю величину моего несчастья... Скажи, принцесса Ингегерд не приедет?

Астрид молча покачала головой. Хьялтэ без сил опустился на скамью. Такая глубокая скорбь отразилась на его лице, что Астрид ощутила внезапный страх и холод, и впервые подумала, чем может обернуться для неё этот вероломный обман.

—О Хьялтэ, не выдавай меня! — принялась она умолять старого скальда. — Король всё равно никогда не отдаст принцессу Ингегерд в жёны Олаву, сыну Гаральда. Гребцы на корабле подкуплены. Моя служанка Элина даже под пыткой не откроет правды, так она мне предана. Подумай сам, что проку теперь открыть эту тайну, и кому от этого будет лучше? — Астрид помолчала и добавила жалобно, как ребенок: — Ингегерд сама отдала мне корабль, ожерелья и золотые пряжки...

—Сама, сама... — повторил старый скальд и горько рассмеялся.

Хьялтэ опустил голову и умолк. Он погрузился в глубокое раздумье. Астрид молча стояла перед ним, боясь взглянуть ему в лицо. Несколько раз ей слышалось, что старый скальд невнятно пробормотал, словно бы про себя:

—Я должен ей сказать... Она должна знать, должна знать... Наконец Хьялтэ зорко и пронзительно посмотрел в глаза Астрид.

—Узнай же, Астрид, то, что я ещё никому не осмеливался поведать о короле Олаве, сыне Гаральда. Это случилось, когда Олав был всего-навсего бедным морским королём и ему не принадлежало ни одной пяди земли в стране его предков. И вот, однажды ночью, королю привиделся вещий сон. Ему приснилось, что ангел Господний в одеждах, сотканных из лучей, ступил на палубу его корабля.

77Крылья ангела превратились в паруса, и корабль полетел как птица, не касаясь пенных гребней волн. На север, к Норвегии держал он путь. Они подплыли к скалистому берегу, и по знаку ангела волны утихли и море стало прозрачным до самого дна. Тогда ангел заговорил серебристым голосом. «Король Олав, — сказал ему ангел. — Свет божественной благодати сияет в твоей душе. Знай, ты будешь во веки веков с небесных высот править этой страной!» — И в тот миг король Олав проснулся...

Дрожь прошла по всему телу Астрид. Она словно онемела и не могла вымолвить ни слова.

—Счастье благоприятствовало королю, — продолжал старый скальд. — Вскоре вся Норвегия признала его и покорилась. Он по праву взошёл на норвежский престол. Но душа короля была столь кроткой и смиренной, что он не посмел поверить в небесный смысл слов, сказанных ему ангелом. А ведь ангел возвестил ему: по воле Господа народ Норвегии будет поклоняться ему ещё при земной жизни как святому.

Тяжело дыша, умолк старый скальд.

Румянец сошёл со свежих щёк Астрид, лицо её стало страшно бледным, словно восковым.

—Когда король Олав рассказал мне этот сон, я встал на колени и молился вместе с ним. — Старый скальд взглянул на неподвижную помертвевшую Астрид, но сострадания не было в его взгляде. — Ответь мне, Астрид, теперь, когда ты всё знаешь о короле Олаве, назовёшь ли ты ему своё истинное имя?

Астрид тихо застонала, но потом собралась с силами и тихо сказала:

—Молю тебя от всего сердца, Хьялтэ, плыви со мной в Кунга-хеллу и сам открой королю Олаву роковую тайну. Ты видишь, я слаба душой и наперёд не знаю, как поступлю. Боюсь, у меня не хватит мужества самой разрушить своё счастье!

Лицо Хьялтэ исказилось от гнева, он резко, презрительно рассмеялся.

—Вот как ты решила, дочь греха! Ты хочешь, чтоб я помог тебе избежать позорной судьбы и возмездия? Ты только воровка, укравшая у сестры то, что ей предназначил сам Господь Бог! Ты плывёшь на корабле принцессы, я вижу на тебе её драгоценности... Страшно представить себе, как страдала принцесса Ингегерд, собирая тебя в этот путь!

Тут старый Хьялтэ, которого никогда не покидало мужество, застонал от боли. А белокурая Астрид с удивлением подумала, что и вправду ни разу не вспомнила Ингегерд, слезы на её глазах и скорбный поцелуй. Нет, она всё время думала только о себе, а боялась только одного: как бы её обман не открылся.

Хьялтэ заговорил вновь, и голос его звучал пророчески грозно:

—Ты убила лучшую песню старого скальда! Не проси, чтоб я поехал с тобой в Кунгахеллу. В этом было бы твоё спасение. Нет, судьба грешника в его грешных руках! Если у тебя не хватит мужества открыть правду королю Олаву, то пусть всё свершится и ты станешь королевой. Но знай, Астрид, жизнь твоя будет так мучительна, так полна страданий, что ты станешь каждый день, каждый час призывать к себе смерть! Горе тебе, Астрид, горе!..

Астрид в испуге закрыла лицо руками. А Хьялтэ не сказал больше ни слова, отвернулся от неё и молча покинул корабль.